

гарнизоне солдат и казаков, а также каторжан с соляных промыслов, отряд повстанцев отправился в Бердскую слободу. Покидая крепость, А. Соколов-Хлопуша возложил управление ею на капитана К. Ядринцева, возглавлявшего до того работы по добыче соли. С конца марта 1774 г. Илецкая Защита возвратилась под прежнее административное управление⁶⁰⁵.

Беткинская соляная пристань перешла на сторону восставших 2 апреля 1774 г., когда за солью для повстанцев туда был послан сотник татарин Гумер Усманов. Начальник команды, охранявшей пристань, был захвачен и посажен под арест, откуда благополучно сбежал⁶⁰⁶.

Пугачевское движение нанесло большой ущерб Илецкому соляному промыслу, и объемы добычи соли постепенно снижаются. Илецкий промысел не только не мог экспортировать соль на центральные рынки России, но и не мог надлежащим образом снабдить ею население огромного Оренбургского края. Учитывая эти обстоятельства, Сенат в 1790 г. признал «за благо Илецкую соль предоставить единственно на продовольствие Оренбургской губернии»⁶⁰⁷.

Д.Г. Кориков

Екатеринбург

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (1861-1904 ГГ.)

Одной из актуальных проблем российской истории пореформенного периода является конфессиональная политика Российской империи. Характерное для настоящего времени возрастание удельного веса и значимости религиозных объединений невольно сказывается на характере их отношений с государством. Отсюда – необходимость понимания российского опыта разрешения «религиозного вопроса», осмысления достоинств и недостатков различных принципов взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В Российской империи вплоть до 1917 г. взаимоотношения государства с различными религиозными объединениями строились на конфессиональном принципе. Принцип этот достаточно сильно проявился в попытках юридического решения проблемы старообрядчества и сектантства. Попытки эти начинаются с учреждения в 1858 г. Особого комитета из светских лиц для определения прав старообрядцев и сектантов.

Возобновление деятельности по урегулированию государственно-религиозных отношений относится к 1864 г., когда был создан новый Комитет под руководством В.Н. Панина для разработки классификации неофициальных религиозных движений. В 1874 г. была образована Комиссия под председательством А.Б. Лобанова-Ростовского, центральное место в работе которой вновь занял вопрос классификации старообрядческих толков и сект.

Для всей этой законодательной деятельности были характерны две основные черты – отрицание принципа свободы совести и, одновременно, попытка ввести это отрицание в умеренные границы. Как в Комитете В.Н. Панина, так и в Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского при классификации старообрядческих толков и сект проводилось различие между «более вредными» и «менее вредными» неофициальными религиозными движениями. Такое разделение приводило к уголовному преследованию за религиозные убеждения одних людей и ограничению прав других. В этом проявлялось указанное отрицание свободы совести.

В то же время разграничение различных религиозных движений, раньше обобщенно называемых расколом, свидетельствует о попытке умеренного применения

⁶⁰⁵ Аксенов А.В. Соль Илецкая. – Оренбург, 1969. – С. 43-44.

⁶⁰⁶ Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773-1774 гг. – М., 1975. – № 202.

⁶⁰⁷ ПСЗ РИ. – Т. XXVIII. – № 21718.

конфессионального принципа. Эта попытка нашла свое практическое воплощение в законе 1883 г. Этот закон включал большинство определений Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского, отличавшихся более мягким характером в сравнении с определениями Комитета В.Н. Панина. Если подход к классификации сект Комитета В.Н. Панина приводил к преследованию не только т.н. сектантов, но и всех старообрядцев-беспоповцев, то при подходе Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского к категории «более вредных» сект относились только т.н. хлысты и скопцы, а так же все те секты, которые отвергали брак. Однако этот закон по-прежнему не предусматривал признания старообрядческой иерархии (с вытекающими отсюда последствиями, как, например, разрешение старообрядцам строить свои храмы). Не разрешалось так же распространение каких-либо неортодоксальных взглядов в печати. Смягчение конфессионального принципа вероисповедной политики было в данном случае довольно незначительным.

Таким образом, вероисповедная политика Российской империи в пореформенное время носила двойственный характер.

В чем же была причина этой двойственности? Почему в царствование Александра II при общей либерализации общественно-политической жизни не был воплощен принцип свободы совести?

Причину этого следует во многом искать в консервативной идеологии, бывшей в то время внутренней основой конфессиональной политики. Значение идеологического элемента в ней особенно подчеркивается ее не прагматичным характером. Консервативный принцип вероисповедной политики Российской империи мог воплощаться не только вопреки противодействию либеральной бюрократии, но так же вопреки государственным законам и экономическим интересам государства. Так, например, вариант классификации сект Комитета В.Н. Панина, по которому критерий «более вредных» сект содержал ряд признаков из области вероучения. Юридическое нарушение здесь было в противоречии той норме Свода законов, которая гласила, что «раскольники не преследуются за мнения их о вере».⁶⁰⁸ Нарушение же экономических интересов здесь было в том, такой жесткий подход к классификации сект приводил, например, к преследованию всех старообрядцев-беспоповцев. Умеренная же часть беспоповцев традиционно занимала важное место в сфере торговли и стремилась нормализовать свои отношения с государством.

Указанные черты законодательной деятельности Российской империи в области старообрядчества и сектантства (отрицание принципа свободы совести и относительная умеренность этого отрицания) одинаково имели под собой идеологическую основу. Большое внимание разработке консервативного подхода к свободе совести уделял митрополит Филарет. Не отрицая, что в религиозной сфере желательно избежать принуждения, митрополит сразу же добавляет, что «Свод Законов назначил приложению сего правила справедливые пределы» и «избыточествующей терпимости в деле веры и совести» быть не должно. В 1860-е гг. Филарет ставит в пример царствование Николая I, ограничивавшего «терпимость – справедливостью и предосторожностью».⁶⁰⁹

«Воспрещается совращать православных в раскол ... если бы ослушники сего не преследовались законом, то как же иначе государство охраняло бы веру и верных ей? А если уклонившиеся от законного порядка и содействующие уклонению других ограничиваются законом в правах, злоупотребляемых ими, то тут видно одно законное следствие общественного благоустройства, иначе не будет пределов своеволию и прельщению».⁶¹⁰ В этих словах как нельзя лучше раскрыт взгляд консерваторов на объем личных прав в православном и самодержавном государстве.

⁶⁰⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т.14. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 60.

⁶⁰⁹ Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Государственное учение. - М., 1904. С. 48.

⁶¹⁰ Он же. Сочинения и речи. - СПб., 1861. - Т.3. - С.331.

Консерваторы всегда исходили из того, что свобода совести никаким образом не должна служить помехой в деле исполнения человеком своих обязанностей перед государством и обществом. Так, известие о наложении штрафа на «толстовца», отказывавшегося исполнять обязанности присяжного заседателя и ссылавшегося при этом на Евангелие и свои убеждения, («Русским вестником» было встречено одобрительно: «в юридической жизни нет прав без обязанностей».⁶¹¹ Очень ясно и отчетливо обозначил эту позицию В.П. Мещерский: «какое значение могут иметь свобода веры и свобода печати по сравнению с нуждами 80 миллионов? ... тут вопрос простой статистики»; «мало ли, кто что считает своим убеждением и истиной, каким образом власть может спокойно смотреть на распространение всяких верований и убеждений?!»^{612, 613}.

Такая жесткость мировоззренческой позиции консерваторов проявлялась не только в общетеоретической сфере, но и в оценке конкретных ситуаций. В этом случае становится еще более очевидной связь между отсутствием в законодательной практике Российской империи принципа свободы совести и принципиальным отвержением этого принципа консерваторами. Так, например, один из последних председателей царского правительства, Б.В. Штурмер, единомышленник В.П. Мещерского был раздражен бездействием местного губернатора, который не предпринял ничего для того, чтобы к умиравшему Л.Н. Толстому проник бы священник для его причащения. Семья писателя приложила все силы для того, чтобы не допустить священнослужителя, присланного Синодом, и губернатор ссылаясь в свое оправдание на то, что он не имел права сделать что-либо с родственниками Л.Н. Толстого. «Я удалил бы силой семью и насильно ввел бы к нему священника ... разве можно говорить о праве, когда дело идет о возвращении души Толстого в лоно церкви», - заявлял Штурмер. Данный пример особенно интересен тем, что Штурмер соединял в одном лице носителя консервативного мировоззрения и чиновника, что, в целом, было характерно для бюрократической элиты дореволюционной России⁶¹⁴.

Такой взгляд на свободу совести был тесно связан у консерваторов с антигуманистическим взглядом на природу человека. Проявлялось это в первую очередь в крайне пессимистической ее оценке. Так, В.П. Мещерский писал о неизбежном разладе человеческой натуры, когда «в каждом человеке есть два существа – одно, желающее добра и другое, желающее зла ... второму выгодно всякое ослушание власти, всякое отдание себя искушению беспорядка и возмущения»⁶¹⁵. С годами его пессимизм только нарастал: «Вообще человек зверь, в частности, он бывает хуже или лучше зверя»⁶¹⁶, «С тех пор, пока я себя помню, я знал, что человек – зверь и зверь лютей всех лютых зверей на земном шаре; человек ужасен не только тем, что он злее всякого зверя, но тем, что мораль свою применяет к своим зверствам и ею оправдывает себя»⁶¹⁷.

В полном соответствии с пессимистичным взглядом на человека в консервативной идеологии не признается возможным воплощение гуманных принципов в общественной жизни. В.П. Мещерский так обозначил эту позицию: «Я за свободу разума, но под условием, чтобы она была разумная, а не разгульная. Палка, причем не в нравственном смысле, а именно физическая дубинка Петра Великого, и разумная свобода – это одно и то же, так как первая бьет, вступаюсь за последнюю. Разумная свобода требует палки именно потому, что жизнь так складывается: на трех неразумных один разумный. Против этих трех нужна палка, иначе неразумие одолеет разумие и свобода превратится в хаос. Так как люди в массе предпочитают свободу неразумную свободе разумной, подобно тому, как

⁶¹¹ Хороший урок последователям учения о непротиивлении злу // Русский вестник. - 1892. - Март. С. 411.

⁶¹² Он же. Дневник // Там же. - № 85. С. 3.

⁶¹³ Он же. Дневник // Там же. - 1885. - № 45. С. 3.

⁶¹⁴ Палеолог М. Дневник французского посла в Петербурге. - М., 1991. С. 310 – 311.

⁶¹⁵ Мещерский В.П. Дневник // Гражданин. - 1882. - № 59. С. 3.

⁶¹⁶ Он же. Дневник // Там же. - 1888. - № 177. С. 3.

⁶¹⁷ Он же. Дневник // Там же. - 1891. - № 53. С. 3.

сумасшедшие, заключаемые под строгий надзор в сумасшедшем доме, требуют свободы для своего неразумия, то в обществе должен быть порядок именно как в сумасшедшем доме. Как нарушение разумной свободы – так сейчас палка, и трах ею по голому месту, где больно!»⁶¹⁸.

Все указанные стороны консервативного мировоззрения носят, главным образом, отрицательную направленность, так как в большей степени они обращены на критику противоположных взглядов. Консерватизм имел и положительное измерение, свой собственный ценностный подход. Если внимательнее приглядеться к этому подходу, то можно и здесь увидеть связь (хотя и не столь явную) теории с законодательной практикой. В первую очередь это касается самого понятия ценности. Консерваторы (в отличие, например, от либералов) рассматривали ценности с точки зрения их объективного содержания, а не субъективной оценки у различных людей. Так, правоприменительная деятельность характеризуется митрополитом Филаретом как «поиск Истины». Иной взгляд на судебную практику (например, подход к ней как к согласованию различных интересов) для Филарета равносиль «уничтожению и Закона, и Правосудия».⁶¹⁹

«Поиск Истины» у Филарета – не отвлеченное понятие. Гражданские законы он считал применением «к особым случаям истолкования священного закона» и одновременно как «ограду, поставленную против нарушения» этого закона.⁶²⁰ Такая позиция была характерна и для других консерваторов. Так, например, К.П. Победоносцев считал коренным недостатком либеральных учений о праве потерю сознания внутренней связи закона с библейскими и евангельскими заповедями.⁶²¹ По Победоносцеву главным руководством для людей должно неизменно «оставаться Моисеево десятизаконие».⁶²²

Подход консерваторов к судебной деятельности вел их прямым путем к защите принципа конфессионального государства. Так, например, Н.Я. Данилевский считал, что в случае отделения церкви от государства, законодательство пропитывается атеистичным духом и тогда «всякое христианское основание у закона отнимается».⁶²³ Ряд консерваторов не просто отстаивали такие взгляды, но и практически их воплощали, как это, к примеру, делал обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. При отсутствии разделения церкви и государства было не возможно реализовать и принцип свободы совести.

Другим основополагающим принципом консерватизма было сохранение национальных культурных традиций, что часто вырождалось в грубый национализм и закономерно приводило к отрицанию принципа свободы совести. Национализм очень отчетливо проявился в отношении государства к т.н. рационалистическим сектам, к которым относили молоканство, духоборчество, баптизм, адвентизм, штундизм (под которым подразумевались различные протестантские течения, возникшие под влиянием немецких колонистов), толстовцев и последователей В.А. Пашкова. Консерваторы рассматривали рационалистическое сектантство как чужеродное для России явление, результат влияния западноевропейской культуры. В силу этого Синод не делал по отношению к этой разновидности сектантства даже тех малых уступок, которые он делал старообрядцам. Вплоть до 1905 г. рационалистическое сектантство всячески ограничивалось и преследовалось.

Как уже говорилось, вероисповедная политика Российской империи отличалась двойственностью. Двойственность эта так же имела свою внутреннюю мировоззренческую основу. В области государственной жизни воплощались консервативные взгляды, а именно взгляды, свойственные представителям прагматичного

⁶¹⁸ Он же. Дневник // Там же. - 1887. - № 91. С. 3.

⁶¹⁹ Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Сочинения и речи. - М., 1861. - Т.3. - С.331

⁶²⁰ Государственное учение митрополита Филарета. - М., 1903. С. 42.

⁶²¹ Победоносцев К.П. Московский сборник. - М., 1896. С. 87 – 88.

⁶²² Там же, с. 192

⁶²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. - М., 1990. С. 212.

направления, выдвигавшего на первый план государственно-охранительные, а не религиозные или культурные задачи. Другое направление, которое можно назвать идеалистичным (представленное славянофилами), придерживалось, к примеру, иного взгляда на государственно-церковные взаимоотношения.

В публицистике славянофилов (А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Аксакова) особенно подчеркивалось противоестественность синодального церковного строя. Так, например, И.О. Аксаков писал об этом: «...убыла душа; подменен идеал, т.е. на месте идеала церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдой формальной, внешней». И еще: «Церковь со стороны своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярской ложью порядки немецкого канцеляризма к спасению стада Христова».⁶²⁴

Часть консерваторов (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, В.П. Мешchersкий) не соглашалась с этим и осуждала представителей славянофилов за чрезмерное внимание к религиозной составляющей формулы «Православие-Самодержавие-Народность», подозревая, что здесь могут маскироваться индивидуалистические, антигосударственные наклонности.

Кроме того, существовало еще и третье, ультрареакционное направление в российском консерватизме. Его представители (например, К.Н. Леонтьев и В.П. Мешchersкий) для сохранения (а чаще всего – реставрации) традиционных ценностей призывали власть осуществлять самые радикальные планы, применять любые репрессивные меры. Такой радикализм при попытке его практического воплощения мог повлечь за собой разрушение существующего общественно-политического порядка и поэтому не был приемлем для умеренно-прагматичной части консерваторов.

Представители охранительно-государственного направления консерватизма, не доводя до конца (как ультрареакционеры) консервативный принцип, не желали в то же время воплощать (как славянофилы) либеральный принцип свободы совести. Такая двойственность в идеологической сфере не могла привести к цельной позиции в практической сфере. Таким образом, становится видно, что в Российской империи пореформенного периода именно консервативная идеология, а не сам по себе факт существования конфессионального государства, приводил в практической области к отрицанию принципа свободы совести.

А.В. Ладыгин
Екатеринбург

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ В 60-е – 90-е гг. XIX в.

Рассматривая проблему «наши» – «чужие» в российском массовом сознании, нельзя не отметить такую ее грань как неприятие на национальной почве. Длительное время для образованных слоев российского общества национальным врагом представлялись поляки, однако, начиная с конца 60-х гг. XIX в. их место устойчиво заняли немцы. Одним из первых о германской угрозе стал говорить Н.Я. Данилевский, заметивший в своей работе «Россия и Европа», что объединение Германии в единое целое привело к разрушению европейской системы равновесия и одним этим дело не кончится⁶²⁵.

Однако настоящий шок русское общество испытало во время Франко-Прусской войны, когда германские войска одерживали одну победу за другой. «Немцы мысли», говорит демократический публицист Н.В. Щелгунов, мгновенно превратились в «немцев дела». «Германия политическая» взяла верх над «Германией философской». Вместо благодушного и неповоротливого немецкого Михеля встал образ до зубов вооруженного солдата, угрожающего миру и спокойствию всех. Так в экстремальных исторических ситуациях из коллективного исторического опыта возникает образ врага. В массовом

⁶²⁴ Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 375.

⁶²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2003. С. 15.